

Контракт плохого рисовальщика

Графика Карло Скарпы в Вене

Каммерсакт. — 2003. — Явл. — с. 9.

выставка архитектура

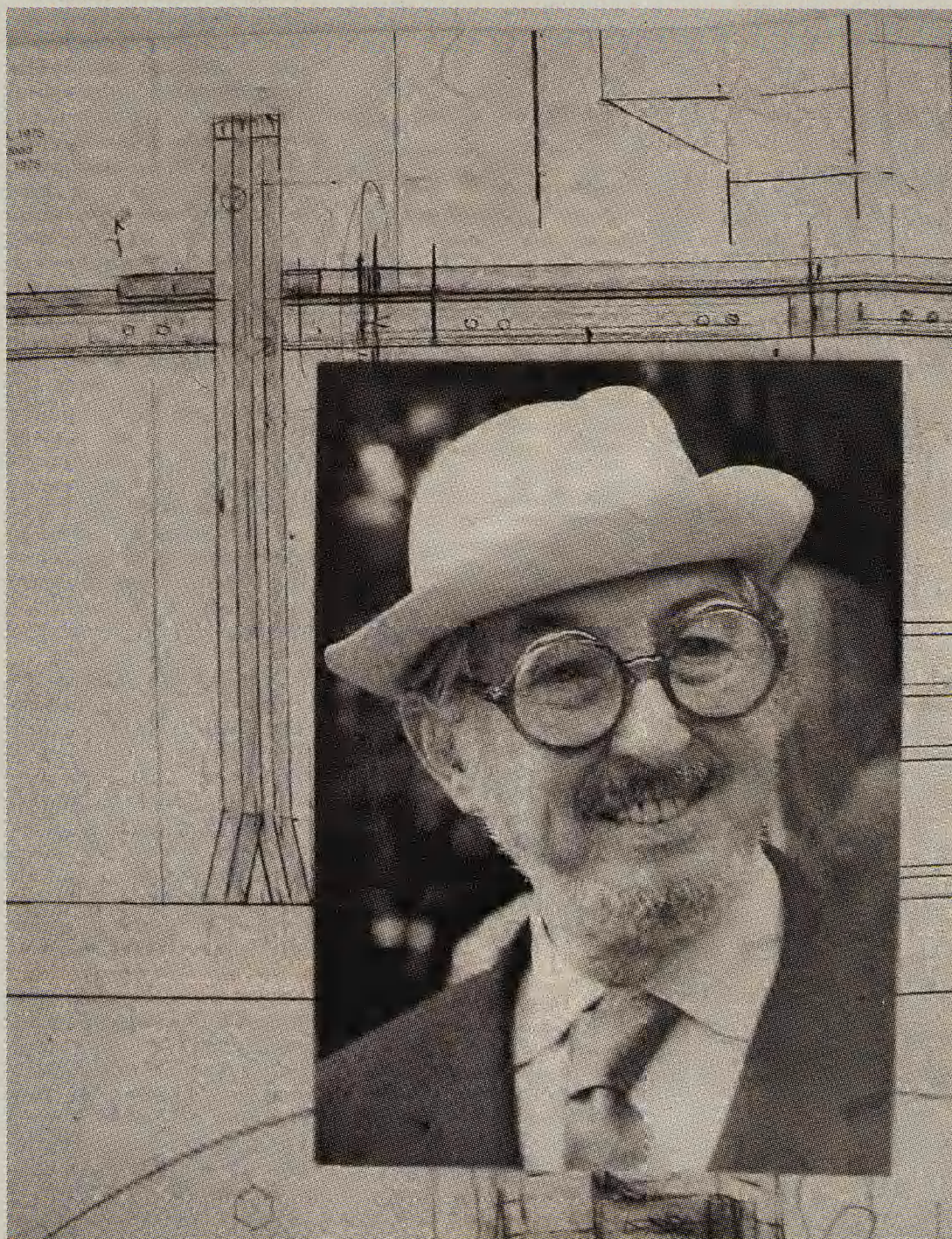
В Вене, в Музее прикладного искусства (МАК), проходит выставка архитектора Карло Скарпы. Как выяснил обозреватель „Ъ“ ГРИГОРИЙ РЕВЗИН, Карло Скарпа, культовая фигура итальянского послевоенного модернизма, совсем не умел рисовать.

Выставка представляет собой около сотни желтых выцветших листов формата А1, развешенных в библиотеке музея МАК. В стеклах книжных шкафов библиотеки выставлены черно-белые фотографии построек Скарпы, но они не являются предметом выставки, это скорее напоминание о том, кто такой Скарпа. А выставлены именно эти листы. На них цветными карандашами начерчены какие-то линии — коряво, от руки, и сначала даже невозможно понять, что это такое. Только потом с некоторым усилием соображаешь, что вот это, пожалуй, проект музейного шкафа, а вот это кресло, а вот это схема крепления ящика стола к тумбе. Рядом с этими фрагментами — какие-то записи вплоть до напоминания самому себе, кому надо позвонить по поводу изготовления вот этого узла, и телефон с восклицательными знаками.

Створчеством Карло Скарпы меня впервые познакомил его сын, тоже известный архитектор и дизайнер Тобиас Скарпа, который перестраивает для «Бенеттона» старинные виллы под Венецией. Так вот, глядя на эти рисунки, думаешь, что, пожалуй, если бы папа Карло не просто вырезал Буратино, а сначала озабочился бы каким-то, так сказать, проектом, чертежом, то, пожалуй, получилось бы как раз вот это самое. Вплоть до крупных записей тем же цветным карандашом: «N.B. Больше внимания носу».

Это что-то поразительное, потому что для Италии Карло Скарпа — фигура просто культовая. Да и что для Италии, для всего мира его принципы дизайна музеев стали одновременно и нормой, и недостижимым идеалом. Скарпа — это Кастельвекио в Вероне и музей Коррер в Венеции, павильоны Венецианской биеннале и музеи Бергамо. Скарпа — это незаметное, но сильное присутствие современности в самых прославленных музеях Италии, будто стекло с высоким разрешением, которого вы не видите, но которое при этом делает все видимое более острым. Это феноменальный вкус и необыкновенная тонкость. И вот этот человек так рисовал? Быть не может.

Но все же это именно так. Мало того, он так рисовал очень

Знаменитый итальянский архитектор Карло Скарпа рисовал так, как это мог бы делать его соотечественник папа Карло. ФОТО ГРИГОРИЯ РЕВЗИНА

много, он рисовал непрерывно — на сигаретных пачках, на салфетках, на оборотах ресторанных счетов. В том же МАКе несколько лет назад состоялась выставка «Могила Бриона» — это одно из лучших произведений Скарпы, он спроектировал целое кладбище под Тревизо, и это надгробие там центральное. Так вот, на той выставке было 300 листов рисунков к этому проекту — не проектных листов, а именно рисунков, где архитектор ищет образ. И все они нарисованы именно так, с той же «неумелостью».

Кажется, что эти рисунки лучше никому не показывать, чтобы не компрометировать великого мастера привкусом «неумелости», но такова уж судьба архитектурного музея. Ибо что же

там показывать и хранить, если не рисунки? Современные архитекторы вообще сдают в коллекции музеев CD-ROM и распечатки на принтере, от старых, по счастью, остаются хоть рисунки. Вот их и приходится показывать. Но с другой стороны, если музеи все-таки их хранят, то ведь это значимо. О чем-то эти рисунки говорят, надо просто правильно поставить вопрос.

Скарпа закончил Академию искусств в Венеции по классу скульптуры (там же он в течение 20 лет преподавал архитектуру и, уже будучи всемирно известным мастером, все никак не мог получить от венецианских властей лицензию на право производства архитектурных работ). И это значит, что техникой академического ри-

сунка он владел совершенно свободно. Так что в корявости его линий, в отсутствии перспектив, в какой-то египетской приплюснутости изображения к листу есть если не сознательный прием, то уж во всяком случае сознательный отказ от приема, сознательное воздержание от эффектности.

Все окончившие академию модернисты прекрасно рисовали свои авангардные здания с соблюдением законов перспективного построения, даже не только линейного, но и светового. Точно так же, как современные модернисты превосходно владеют рисованием в фотопе. Академический рисунок — мощнейшее средство визуализации, он прорывает плоскость бумаги, он делает

фантазию реальностью. В нем уже содержится пафос преобразования действительности, в нем есть энергия насилия над естественным порядком вещей, ибо плоскость становится пространством. Качественный академический рисунок — это всегда архитектурный аттракцион, и его присутствие сразу же выдает в архитекторе тягу к фокусам и аттракционам.

Но как раз гениальность Скарпы в том, что этот архитектор к аттракционам склонен в очень малой степени. В принципе весь пафос авангарда всегда состоит в трансформации реальности. Но тем не менее в нем есть осязаемая линия если не созерцания, то соглашения с бытием и даже признания за ним высшей ценности. Ну, скажем, как Фальк или Моранди в живописи. В архитектуре этой линии почти нет — просто потому, что сама специфика этого искусства состоит в некой трансформации реальности. Но вот талант Скарпы — как раз в этой концентрированной гармонии спокойствия с тем, что есть, с естественным положением дел, в его безукоризненном чувстве уместности каждой линии, каждой плоскости.

Это чувство приятия бытия очень поэтично описывал Мартин Хайдеггер в этюде о «башмаках» Ван Гога (забавно, что фамилия Скарпа по-итальянски значит «башмак»). И именно это смирение читается в рисунках Скарпы. Такое ощущение, что образ вещи уже содержится где-то там, во внутренних слоях листа. И архитектор постепенно его нащупывает, заранее соглашаясь с совершенной корявостью своих линий по сравнению с тем образом подлинной вещи, которая спрятана там, в листе. Потом появляется еще рисунок, потом еще, каждый уточняет предшествующий, пока наконец к трехсотому разу не появляется что-то такое... Нет, разумеется, все равно незаконченное, все равно неправильное, все равно лишенное эффектности парадной архитектурной подачи. Но что-то фиксирующее его понимание — вот здесь, в этом рисунке, он уже все понял, он знает, как изначально, по некоему глубинному замыслу должна быть устроена та вещь, которую он изобретает.

Каждый искусствовед, занимающийся архитектурой, не может не любить архитектурно-художественный рисунок — это восхитительная материя призрачной власти интеллекта над пространством. Но вот глядя на рисунки Скарпы, думаешь: может быть, лучше бы им не уметь рисовать?